

СТЕФКА МОДАР

секс
в мегаполисе

Стефка Модар

Секс в Мегаполисе 2

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10132284
Секс в Мегаполисе 2: Лица плюс; 2015
ISBN 978-617-7060-72-6*

Аннотация

Этот роман, продолжение первого романа «СЕКс В МЕГАПОЛИСЕ».

Он рассказывает о становлении молодых женщин – Инны, Тани, Олеси, которые в поиске личного счастья, порой делают ошибки.

Одна из них Инна, встречает в мегаполисе «ложную любовь», выйдя замуж, расстанется, не сделав счастливой себя и мужа. Считая, что мегаполис не терпит «слабых» и несчастливых, Инна намерено вернется в провинцию, чтобы спрятаться от самой себя в глубинке, но по дороге найдет «чужое счастье». После неудач и разочарований Инна будет искать свою судьбу в мегаполисе, а та будет рядом, Ангелом Хранителем. Но это она узнает позже.

Ее подруга Таня, тоже будет искать любовь, ставя ей ультиматумы; судьба, желая преподнести урок, простит и даст то, что Таня долго искала.

Оля, вернувшись в мегаполис, встретит мечту юности.

Эти молодые женщины достойно выдержали экзамен, отвечая на вопрос: что хорошо, а что плохо. Мегаполис им в этом помог. Он любит счастливых людей, поэтому для каждого в мегаполисе есть то место, где можно встретить настоящую любовь. Ищите да обрящите...

Содержание

Глава 1. Возвращение в родные пенаты	5
Глава 2. Тени прошлого	23
Глава 3. Сквозь призму времени	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Стефка Модар

Секс в Мегалополисе 2

© «Ліра-Плюс», 2015

* * *

Глава 1. Возвращение в родные пенаты

2014 г.

Был пасмурный промозглый декабрьский день. Инна сидела в переполненном автобусе отвлечённо глядя в серое грязное окно. Она ехала из Мичуринска в Раненбург к родителям.

Накануне она поссорилась с мужем Павликом. Тот, явившись домой за полночь, вывел её из себя, в сердцах сказав, что она так и осталась «ником» девкой из глухомани. Он был в стельку пьян, беснуясь, описал свою жизнь с ней в таких красках, что мало ей не показалось. Оказывается, в их семье она была «сержантом в юбке». Та не давала ему вздохнуть полной грудью, как, впрочем, и слово сказать, беснуясь, признался, что у него уже второй год любовница «Иришка» очень ласковая и внимательная. Тут же приводя в пример, что та «на входе» тапочки подает и как хорошая хозяйка незамедлительно ведет на кухню, чтобы покормить ужином.

Инна понимала, что работая в рекламном агентстве, практически всегда была занята и, приходя домой ей уже было не до приготовления ужина думая, что Павлик с понятием и сам что-то приготовит. Как она ошибалась в нем.

Тот вынашивал мщение несколько лет, считая, что в браке потерял своё лицо. Он в недавнем прошлом удачный бизнесмен теперь терпел крах. Бизнес лопался буквально по швам. Денег катастрофически не хватало, хотя тот работал, как заведённый с утра до позднего вечера. На отдых времени не было. А так бы хотелось этого отдыха...

...Они за свою совместную семейную жизнь ни разу не съездили на море, а это уже говорило о многом, что у них в их жизни всё не так. Как говорится, что-то делали ни то. Так как другие, находясь в худшем материальном положении, катались и на «юг», и в Турцию, и в Египет. Что им не хватало в их отношениях? Скорее всего, любви, что была ими утеряна где-то в начале пути к тому же по их вине. Начали не с чувств, с достатка. А теперь им обиженным обездоленным так хотелось бы чувств, всплеска любви, таких же чистых возвышенных как в мыльных сериалах. Только это «хотелось бы» подавляло другое «хотелось бы», что затмевало любое «розово-ванильное чувство», в самом прямом смысле слова хотелось реветь от зависти.

Вот поэтому, чтобы окончательно не разорвать их брак она собрав вещи поехала в Раненбург, чтобы хотя бы там выплакаться в родительскую жилетку, считая, если не отец, то мать её точно поймёт.

При приближении к родным пенатам автобус постоянно заносило. Дорога была в лужах, ямах и кочках. Засыпана бог весть чем, вплоть до металлургических отходов. Промчавшаяся мимо машина обдала автобус грязью. Окна тут же стали мутно-серые. Сияясь что-либо рассмотреть, Инна прильнула вплотную к стеклу. Ей хотелось найти изменения и находила.

Люди даже в такой глухомани строились. Она как бы невзначай для себя приятно отметила промелькнувшее строение в стиле «Mini-Барокко» на заборе была вывешена табличка «Дом образцового содержания». Здесь явно жил «Господин новой формации». Возможно потомок А. Д. Меньшикова и делал Раненбург как того хотел Великий муж – третьей столицей России. Судя по дому, замашки были «наполеоновские». Дворец! И немудрено дом в три этажа. Мансардный этаж прямо-таки подавлял богатым обрамлением окон. Правда, по соседству с ним шли дома в народном стиле с такими же табличками, что давались по предпочтению местной администрации, скорее всего, для того, чтобы не перессорить соседей. Равенство всё-таки прослеживалось. Мёрзлые бурьяны, мусорные ямы, были общими. И дороги пусть ухабистые, но для всех и бедный и богатый шастал по ним в сапогах, так как куда не посмотри грязи по колено. Это всех сроднило. Так было и есть...

...Инна глядя на это до боли родное и близкое расчувствовалась, незаметно для постороннего глаза вытерла набежавшую слезу. Она некогда гордилась своим городком, как-никак основателем был сам Меньшиков. К тому же заложил первый камень крепости никто-то, а Пётр Первый. Прямо здесь на берегу реки Ягодная Ряса. Почему-то назвав «апельсиновой крепостью», Ораниенбург (Оранж). Дно реки было песчаное ярко-красного цвета, именно это наверно и напомнило Петру цвет апельсина.

Горы песка были повсюду, так как вокруг крепости должны были лечь укрепительные рвы. Городок во времена Меньшикова развивался, шёл прямым ходом к тому, чтобы стать третьей русской столицей. Дороги становились мощёнными. Темень разряжали керосиновые фонари. Казалось бы, прогресс был налицо. Но где-то как-то интерес Великого мужа к строительству третьей столицы пропал, его манили к себе две другие: Москва и Петербург...

...Теперь Раненбург уютный чистенький провинциальный городок, правда слишком уж малочислен. Но зато в нем находится целый ансамбль исторических архитектурных памятников, не менее пятидесяти шести.

Инна поймала себя на том, что хочет походить по местам исторической славы. Жаль, что самой крепости нет, но дом Меньшикова сохранен, и по нему можно сказать, что строили на берегу реки настоящую фортецию. Инна любила в детстве лазать по её останкам.

Ранее Раненбург был сравни элитной слободы в которой жили приближенные ко Двору люди. Но там было настолько уныло и скучно, что те бежали от хандры в Москву и Петербург, где было шумно, весело; дворцовый люд жил активной полноценной жизнью.

Изгои, осевшие в округе однодворческих сел рядом с селом Слободское считали себя избранными.

Те молились за Русь, которая стала походить на французский и шведский двор, где прижилась вечная интрига, борьба за власть и любовников, поработали умы однодворческих крестьян своим выбором и заставляли так же, как они жить в вере в бога.

Один за другим в лесах строились скиты, где Владыки были староверами и народ жил по их законам. В 1702 г. Князь А. Д. Меньшиков получил в дар от Петра однодворческое село Слободское с единственной церковью «Собор Архистратига Божия Михаила», и первое, чем занялся, поставил леса, чтобы перекрыть ту новым тёсом, чтобы стать ближе к народу. В чем в первое время нашёл сподвижников.

Однако он не стал популярным в новшествах, за глаза оговаривали, понося, разносили молву, что мол, Меньшиков – «не русь», так как усадьбу именовал не иначе, как мыза, да и жил как нехристь вёл праздный образ жизни, курил кальян и девок местных чуть ли не всех перепортил. Поэтому зомбированный люд периодически поджигал новые постройки. Таким образом, выкуривая Меньшикова из Раненбурга. Но даже это того не пугало, он продолжал отстраивать слободу, валить лес для кораблестроения, заниматься выделкой кож. Но и это скоро наскучило, его душа рвалась на государеву службу. Там в двух других столицах он жил, дышал полной грудью. Но нет ничего вечного.

Вскоре Ораниенбург (Раненбург) вернул А. Д. Меньшикова в свои пенаты, но уже как в домашнюю ссылку. Как в последующем и многих других Великих мужей Отечества. Слобода стала местом изгнания. Может поэтому, её избегали, бежали в близлежащие города, где был запах свободы и налаженного быта...

...Вспомнив об этом, Инна глядя в окно невольно перекрестилась.

Автобус подъезжал к автобусной остановке. Мать стояла под зонтом в напряжение, всматриваясь вдаль. Заметив приближение автобуса, она сорвалась с места, на бегу выкрикивая: «Инночка, я здесь!...»

Автобус остановился буквально перед ней, обдав промёрзлой грязью. Женщина возмущённо выкрикнула:

– Кобель! Это ты, куда едешь на людей? – махнув кулаком, – тебе только коровам хвосты закручивать и то не доверила бы...

Жестикулируя руками:

– Чтоб людей возить на права надо сдать... – возмущаясь, – учиться надо... Неучи!..

Но тут же заметив Инну, рванула к ней, держа над ней зонт, мельтеша перед её глазами, затараторила:

– Вот какая радость мамке!.. Дочка приехала...

Чмокнув в щёку с гордостью глядя на дочь, зацикливая внимание остальных на ней, похвасталась:

– Моя, из Мичуринска приехала, год не была. Занятая!..

Инна, вздохнув, переложив сумку в другую руку, взяв мать под руку, поспешила увести ту в сторону дома. Они шли по перерытой дороге, прыгая с кочки на кочку, стараясь обойти замерзшие лужи. Мать, сетуя, поспешила вставить:

– У нас как Новый год так дороги перекрывают. Лета им мало. Всё не по-людски стараются делать.

Инна, оправдывая местную администрацию:

– Так свободные деньги обычно бывают только в конце года. Вот их и стараются сейчас использовать по назначению.

Мать словно с цепи сорвалась, не сдерживая эмоций:

– Вот так бы себе дома строили!.. Мы видим, куда деньги идут и сколько...

Инна, ничего не сказав, галопом понеслась к дому. В воротах стоял отец. Мать, прошипела:

– Вот и наша радость нарисовалась, за километр разит...

Подойдя к нему, Инна обняла отца, она, как никогда, была рада его видеть.

Тот, беря из её рук сумку, искоса глядя на мать, съязвил:

– Ей бы всё бочку на меня катить. 100 грамм за приезд дочки не даст выпить...

Инна засмеявшись, юркнула в калитку. За ней поспешила мать, подстегивая отца:

– Иди, тебе бы только повод найти, чтоб выпить... – зло, – не просыхаешь... С утра уже «нажрался». Там не ста граммами пахнет, минимум как пол-литра «беленькой».

Отец, оборачиваясь на ходу, оправдывался:

– Так ведь такая радость, Инка прикатила в кои-то веки... – улыбаясь, стал тискать жену в объятьях, та, заверещав, вбежала в дом.

Отец и Инна, смеясь, поспешили за ней.

Дом встретил знакомыми с детства запахами: щами и жареной картошкой с мясом. В душе даже защемило, в голове запорхали «бабочки» ей вдруг захотелось расплакаться. Наскоро утерев набежавшую слезу, Инна, посмотрев на отца, сказала:

– Папкой и мамкой пахнет!.. – присаживаясь на табурет, освободив себя от жизненного груза за плечами, что так устала носить все эти последние дни, смеясь, сказала:

– Мам, чаёк на травках, как, у тебя есть?

Мать засуетилась:

– А как не быть... И мятку припасла и мелису и чабрец... – сквозь набежавшую слезу, – так для тебя доченька ничего не жалко...

Не удержавшись, вставил и отец:

– Мать и липы надрала... – махнув рукой, – так что всё есть, как у людей. Не жалуемся.

Инна, сняв сапоги, поспешила в комнату. Взяв из рук отца сумку, стала вынимать содержимое: скомканные вещи и гостинцы. Выложив содержимое на диван, она стала одаривать. Мать получила новые меховые тапочки. Отец новый ремень и шарф. На что тот тут же поспешил, балагурия пошутить:

– Дочь тебя как ремнём по заднице или слегка шарфиком? – смеясь, – скажи отцу, как себя вела? – трясая перед ней подарками.

Мать, одёрнув его руку, отстранив в сторону, цыкнула:

– Нажрался! Что к дитю пристал? Ум что, ли отстал? Так подожди его в горизонтальном положении... Иди, проспись!

Та, радуясь подарку, приложив к груди, призналась:

– Этот ирод за всю жизнь ничего не купил. Даже на три рубля не разорился... – отчего тут же замялась, видя смущение на лице дочери.

Инна чувствуя, что это укор в её адрес, поспешила оправдаться:

– Дома не копыя. Мой всё на свою «Иришку» спустил... – сквозь слёзы, – всё по ресторанам шастал, кобель...

Глядя на мать:

– То, что на автовокзале было то и купила.

Мать, глядя дочь по плечу, успокоила:

– Та забей ты на своего кобеля!.. – косо глядя в сторону отца, – все они одной кобелиной породы.

Отец, тяжело вздохнув, поспешил выйти, на ходу пробурчав:

– Тоже мне Ангел... – исчезая за дверью.

Мать стала расспрашивать, что и как; на что дочь, глотая слёзы, скороговоркой поспешила выдать все наболевшее, что накопилось в ней за год.

Высказавшись, ей стало легче. Она, заглатывая последнюю слезу, высморкавшись в кулак, уже с улыбкой констатировала:

– Козлы они и в Африке козлы...

Мать, тяжело вздохнув, прислонив голову дочери к своему плечу подтвердила:

– Все!

Отчего им двоим, стало легче. Мать, тут же примерив тапочки, пошутила:

– Нового найдём! Тут Гришка в разведённых ходит. За большим домом смотрит, пока хозяева в Греции жопу греют.

У Инны от волнения дрогнули губы:

– Гришка развёлся? Когда?

Мать, снуя перед глазами дочери, буркнула:

– Да уж не вчера... Пять лет назад.

Он эти пять лет оказывается в гостях у «хозяина» был... – поясняя, – хахаля жены немного помял... – переходя на шёпот, – в постели застукал. По пьяни вошёл в свою спальню, да не вовремя... Ну и жару им дал.

Инна была ошарашена. Новость так новость!.. Гришка, который с неё пылинки сдувал, поднял руку на женщину.

Невольно вырвалось:

– Не может быть! Он никогда бы руку не поднял на женщину.

Мать, прищёлкнув языком, поспешила заверить:

– Может! И ей досталось и тому кобелю... – сплюнув в сторонку, зло прошипела, – та ещё сука!

Инна, округлив глаза:

– Кто?

Мать:

– Кто-кто?! Дед Пихто. Его мымра!.. Та изменяла при нем, не отходя от кассы. Гришка и пил потому, чтобы не видеть всего этого сраму.

Продолжая откровенничать:

– Нажрётся, бывало, спит в одной из комнат в доме, а та тем временем всех тащила к себе в постель... – вновь сплюнув, – сука!

Инна, не веря ушам:

– За что сидел?

Мать хмыкнув:

– За побои. Тот так отдубасил, что места живого на том «Челентано» не было, да и ей говорят, неплохо досталось. Теперь ходит в храм, грехи замаливает.

Поясняя:

– А Гришка после отсидки устроился к Кольке в охрану.

Встрепенувшись:

– Помнишь Кольку? На два класса ниже шёл от вас с Гришкой.

Инна не веря:

– Это тот малец, что жвачки нам втирал? У кого отец в Германии служил?

Мать, кивнув головой, расплываясь в улыбке, констатировала:

– Ага! Тот, чей папаша мне проходу не давал. Замуж звал... – подбоченившись, с гордостью, – на хрен мне его жвачки!..

С оглядкой на дверь призналась:

– К тому же тоже кобель!.. Всех моих подруг перетрахал... – с призрением, – те же мне сами и хвастались... – с гонором, – я что «последняя»?!

Показывая фигу:

– Мы честные были... Я твоему папке в первый день свадьбы отдалась.

Приглушённо:

– Берегла честь смолоду, чтобы потом мне всю жизнь никто не тыкал в нос, не лез вопросами...

Смеясь:

– Вот теперь им и помыкаю. Ему нечем крыть. Сам-то тоже всех перетр...

Инна покраснела. Мать, заметив, вздыхая, сказала:

– Такая наша жизнь!.. Не тебя, так ты...

На что Инна прошептала:

– Я так и не научилась жить по-взрослому. Все мне гадости делают, а я в отместку не могу плюнуть им в душу.

Мать срываясь:

– Учись! Пока мамка жива!..

Вспомнив о чём-то, мать вынырнула из комнаты. Инна осталась наедине со своими мыслями. Она не знала, как ей жить дальше, а главное с кем?

Семейное застолье прошло за бурными разговорами. Мать и отец, расспрашивая дочь о её жизни как бы, между прочим, наставляли ту, как надо жить по-взрослому. Утверждая, что семейная жизнь – это настоящий труд иногда не под силу, но всё-таки дающий свои плоды.

С нежностью глядя на отца ластясь к нему как кошка, поспешила добавить:

– Какого «котяру» вырастила!.. – глядя того по плечу, – и умный, и трудолюбивый, и любящий...

Отец после её слов даже зарделся, выпив рюмочку, стал в запале лобзать ей руки, тоже от себя нахваливая:

– Королева! – силясь обнять, целуя, – да я ради неё горы сверну...

Посмотрев на опешившую, разомлевшую после выпитого алкоголя дочь, выпалил:
– Вон, какую дочу взрастил!.. Не хухры мухры! Настоящая дама!

Оторвавшись от матери, выйдя из-за стола, он поспешил к Инне, тиская, целуя в засос, смакуя:

– Доча! Горячая штучка!..

Инна, оттолкнув отца в сторону, возмутилась:

– Па! Ты что совсем что ли?! Тискаешь как девку на сеновале. Я всё-таки дочь!..

Мать с суровостью в лице тут же прикрикнула:

– Нажрался! В кои веки, вместе собрались... Так нет... Надо свою дурь показать... – рывкая, – уйди с глаз долой!

Тот, понимая вверх руки, взмолился:

– Ну, мамочка!.. Можно я с вами посижу с краюшку!.. – присаживаясь за стол рядом с Инной.

Это было так смешно, что все тут же рассмеялись.

Отец пригубив очередную «соточку» водочки, завёл любимую всеми песню:

– Вот кто-то с горочки спустился...

Мать и Инна тут же подхватили, песня их сблизила, сплотив хор.

Их песнопение нарушил стук в дверь.

На что отец прикрикнул:

– Ну, кого там ещё принесло? – вставая из-за стола, торопливо направился к двери.

Через минуту он явился с бутылкой в руках, за ним ввалился брутальный усатый мужчина, подшофе. Тот поспешил в кривляньях расшаркаться перед сидящими за столом дамами:

– Здравствуйте всем!.. А я тут мимо иду, слышу песни, кто-то поёт... – глядя на Инну, – думаю, никак Инка здесь... – сияя, – и на тебе! Собственной персоной!

Он поспешил к ней, на ходу поправляя чуб, балагурия:

– Блин! Сто лет не видел... – подойдя, обнял, чмокая в щёку.

Инна зардевшись, отмахиваясь рукой, с отвращением выпалила:

– Фу! У вас здесь все «алканавты» или через одного?

Гришка поспешил оправдаться:

– Так я чуть-чуть. Замёрз как цуцик. Греть-то некому.

Обнимая тиская:

– Погрей! – радуясь, – как здорово, что ты приехала!..

Инна глядя на него сквозь улыбку невольно бросила:

– Никак скучал?

Тот искренне признался:

– Ага.

И тут же по-свойски сел за стол, хватая руками со стола еду, балагурия:

– Едрён – батон! Вкуснятина!.. – глядя на мать Инны... – тётъ Тань, возьми в зятя!

Делая смешную гримасу:

– Больно кушать хочется!.. А то я все на чипсах и пельменях, ну прямо как не домашний!..

Мать Инны, расплываясь в улыбке, заверила:

– Возьму, когда за ум возьмёшься, и дом как у Кольки построишь.

Тот даже опешил:

– Так это сколько деньжищ надо?!

Та поспешила вставить:

– Вот и начни зарабатывать, чтобы мою принцессу в дом ввести, – выдавливая с сарказмом, – а не в твой сарай!.. Засрал дом отца. Ни себе, ни отцу жить не даёшь.

Гришка, ощеряясь, парировал:

– Так здесь все так живут!.. Это наш Колян – индивидуум... – хмыкнув, – завтра при-чапает из Греции. Владения проверить.

Озорно глядя на Инну:

– Может Инка, поможет уют навести?! А то я не успеваю.

Мать, подталкивая дочь в бок, заговорщицки шепнула:

– Иди, посмотри на Колькины хоромы...

Та с недоумением произнесла:

– Пипец! Дочь приехала, а её тут же в рабы отдают...

Гришка сияя:

– А чего сразу в рабы? Пошли, посмотришь, как большие люди живут!..

Инна нехотя встала, выйдя из-за стола, направилась к двери.

Гришка, взяв со стола бутылку водки, спеша, кривляясь, пошёл к Инне, что уже в ожидание стояла в дверях. Мать Инны, семена за ним, сунула ему за пазуху пакет с едой.

Молодые люди вышли. Мать вслед наложила крест.

Отец буркнул:

– Посидели... – поднимаясь из-за стола, махнув рукой, поспешил выйти в другую комнату.

Мать, хмыкнув, вслух бросила:

– А может это её счастье?! Где их нормальных-то взять? – спеша за отцом.

Инна с трепетом подошла к дому Николая. Оказавшись внутри, застыла на месте. Хоромы Николая ей показались поистине царскими, захватило дух, невольно произнесла:

– Ба! Живут же люди!..

Гриша, цокнув языком, выпалил:

– А то! Не у Пронькиных!.. Это тебе не у мамки с папкой, те так и не научились считать деньги.

Рванув её за руку, потащил на экскурсию по дому, с гордостью показывая дом. Инна была ошеломлена.

Когда они оказались внутри огромной ванной комнаты, Гришка по-свойски предложил:

– Если хочешь, прими ванну с дороги!.. У твоих-то и воды нет. На корыто в лучшем случае наскребётся... – разводя руками вширь, – а здесь... – с гордостью, – хоть залейся!.. Насос работает исправно.

Инна, моргая глазами, с опаской спросила:

– А за это ничего не будет? – осматриваясь по сторонам, – здесь же камеры должны быть повсюду...

Гришка, ощеряясь, сказал:

– Я их вырубил. Скажу, свет отключали. Так что можешь смело мыться.

Инна, кивнув, прошептала:

– А ты?

Гришка, тиская её в объятьях:

– Я могу и спинку потерять...

Инна, оттолкнув, возмущённо пробормотала:

– Да пошёл ты!..

Тот, подняв руки вверх смеясь, убегая, на ходу выкрикнул:

– Уже исчезаю... – исчезая за дверью.

Инна, испугано, выкрикнула:

– Куда?

За дверью послушалось:

– Я на кухню! Что-нибудь приготовлю.

Оказавшись одна, она открыла кран, наполняя ванну. Оглянувшись, посмотрела по сторонам, ей нравилось это божественное место. Все сияло чистотой и роскошью.

Она стала раздеваться, разглядывая себя в большом напольном зеркале.

Гришка, добежав до дежурной комнаты, оказавшись за столом, включил компьютер, включая камеру в ванной комнате. Инна стояла в неглиже, рассматривая свои прелести в зеркале. Ей нравилось её молодое тело; не меньше того оно нравилось и Гришке. Тот, открыв бутылку водки начал пить залпом.

Опустошив наполовину, он стал пристально всматриваться в видео, следя за картинкой.

Инна погрузилась в наполовину наполненную ванну, взбивая руками пенку, намыливая ею тело, блаженствуя, балдела. Через пенку проглядывались, то колени, то упругие груди. От пара горячей воды её лицо было в капельках пота, на щеках проглядывал румянец. Мокрые пряди волос делали лицо утончённым, глаза говорили сами за себя, молодая женщина была в немом восхищение. Она что-то мурлыкала себе под нос, это было видно по монотонным шлепкам губ. Правда, он не мог расслышать мелодии, но наверно что-то весёлое; лицо было улыбочное. Он с напряжением всматривался в монитор, следя за её последующими действиями.

Инна нанесла гель на кожу, с нежностью разглаживая линии тела.

Гришка невольно отшатнулся, тихо произнеся:

– Хороша! – продолжая своё наблюдение.

Сидя в пенке, Инна подумала: Мужичка бы...

Это Гришка прочёл по губам. Сорвавшись с места, через мгновение исчез за дверью.

Инна уже вышла из ванны, когда тот по-кошачьи вошёл внутрь, чем до смерти напугал. Она, от неожиданности завизжав, прикрыв руками грудь, содрогаясь в дрожи всем телом испуганно спросила:

– Гриш, ты что совсем?! – накидывая на себя махровый хозяйский халат.

Тот наотмашь скинул его с её плеч. Лицо Инны моментально исказилось в дурашливой улыбке.

Гришка сходу произнёс:

– Я спинку хотел потереть. Ты как?

Инна стояла как вкопанная, хватая ртом воздух, не зная, что сказать. Вновь ступая ногами в ванну, чтобы спрятать своё тело под водой.

Взгляд Гришки скользнул по телу, что на глазах погружалось под воду.

Намылив губку, возбуждённый мужчина начал намыливать женское тело. Это его заводило.

Он глядя на Инну с хрипотцой сказал:

– Ну что ты, как девочка... Не обижу!.. – приподнимая Инну за руку вынимая из толщи воды ставя в полный рост, при этом похотливо рассматривая её формы.

Инна стояла перед ним в мыльных пузырьках, как в кружеве, через которое просматривалась колышущаяся грудь с ровными розовыми сосками. Его руки изучали её тело, то вздрагивало под их прикосновениями. Инна смотрела на Гришку, боясь что-либо предпринять. Ей уже начинали нравиться его домогательства. Она стала внутренне расслабляться, и он

это сразу же почувствовал. Её голые ноги ступили на глянцевый пол. От мокрых ног вмиг образовалась лужа.

Гришка подошёл к Инне, вплотную страстно целуя в губы, засунув язык в её мокрый рот, беря плоть изнутри. Но этого ему было мало. Он тут же прижал её мокрое тело к себе с таким темпераментом, что она внезапно ощутила россыпь мурашек. Отчего задрожала как осиновый лист, ощущая его тело каждой клеточкой своего тела. Соски стали твёрдыми от соприкосновения с накаченным мужским телом, и это ввело её в неистовость, которую она пыталась скрыть, слегка отталкивая Гришку от себя. Он рывком прижав к себе стал пожирающе целовать, их языки сплелись. Поцелуй был затяжным скорее ледяным, нежели горячим, но страстным. По телу Инны пробежала дрожь. Вырвавшись из объятий, она отвернулась, встав к нему спиной. Он, проведя длинными пальцами по позвоночнику, вызвал в ней новую дрожь. Тело покрылось гусиными мурашками. Она, сжавшись под его прикосновениями, выглядела подростком. Приблизив к себе, он стал её брать. Ноги Инны подкашиваясь, дрожали.

Она была в переизбытке чувств, такого секса у неё ещё не было. Её стон тонул в его рыке разряжающем пространство.

Вымотав себя сексом получив оргазм, уставшие они стали целоваться. Немного отойдя от нахлынувших чувств, прислонив Инну к стене, Гришка дурашливо лыбясь, произнёс:

– Я сейчас!.. За жратвой сбегаю... – целуя Инну в нос, – жрать хочется. А тебе?

Инна кивнула. Он тут же исчез за дверь. Однако через пару секунд заглянув в приоткрытую дверь, поспешил сказать:

– Ты давай в спальню двигай, на втором этаже. Я сейчас... – и вновь исчез.

Инна, оставшись одна, не могла осознать, что сейчас с ней произошло. Подойдя к зеркалу рассматривая своё растрёпанное тело, сказала:

– Не знаешь, где потеряешь, где найдёшь... – улыбнувшись краем губ.

Подняв с глянцевого пола халат, мгновенно одев, она поспешила выйти, оставляя после себя мокрые следы.

Оказавшись в затемнённой спальне, запрыгнув на большую кровать, закуталась в халат. Мысли беспрестанно прыгали; одна сбивала другую, не могла сосредоточиться на том, что ей дальше делать. Не понимая, что сейчас между ними было. И именно на этом мысль оборвалась. Послышались шаги. На полу в щели двери появилась ниточка света, что стала увеличиваться в объёме.

Через секунду в спальню ввалился Гришка с подносом в руке.

Он как-то по-дурацки выкрикнул:

– Вуаля! – подойдя, поставил поднос на край кровати, почёсывая затылок, промямлил, – то, что было начатое. Я в чужой холодильник не лазаю. А то приедет барин ругать будет. Он у меня ещё тот жмот.

На подносе лежала жареная ветчина пару ломтей хлеба и чай.

Инна, вынырнув из халата, прошипела:

– Блин! Ну, ты хлеб хотя бы порезал, а то всё как-то не по-людски, как тузику...

Гришка начал оправдываться:

– Так я спешил. Полхлеба сам съел, а это тебе.

Инна, отщипывая хлеб, невольно ёрничая, бубня под нос, произнесла:

– Спасибо за ласку твою Гришка! Век не забуду!.. Отодрал как козу, а тебе... Натевам с кисточкой... – негодуя, – сервис, блин! – тут же хватая руками ветчину с жадностью уничтожая остатки хлеба, прихлёбывая чай, сидя как малый ребёнок с набитыми щеками.

Гришка смотрел на неё, восхищаясь:

– Ну, ты Инка, как и раньше – Королева!.. Шикарная женщина!

Кажется, это её сделало снисходительной и доброй. Она сев поудобней, откинула полы халата, боясь испачкать, как-никак хозяйский; таким образом, открыв Гришкиному глазу все свои прелести. Её красивая грудь была как два бутона розы. Он смотрел на неё масляными глазами. Инна этого не видела, была поглощена приёмом пищи. Она и впрямь была голодная.

Не выдержав, он приблизил её к себе. Та, стяхивая с рук хлебные крошки, попыталась его остановить:

– Э-э!..Погодь!.. – возмущённо, – тебе, что одного раза было мало?

Тот кивнул:

– Ты такая сладкая!.. Ел бы и ел... – взяв в охапку, поставил лицом к кровати.

Приспустив джинсы, стал брать, не слушая её протесты.

Через минуту она уже постанывала, становясь покладистой гибкой отдаваясь ему по-полной. Её ноги подкашивались. Получив оргазм, ощутив дрожь по всему телу, Инна плашмя упала на кровать.

Гришка, застёгивая ширинку, с гордостью сказал:

– Ещё не разучился удовлетворять баб... – хмыкая, – и себя... – глядя на неё бесстыжим взглядом как бы, между прочим, спрашивая:

– Как? Ничего?

Инна, кутаясь в халат, тихо произнесла:

– Может быть. Пойдёт.

Вот этого Гришка никак не ожидал. Расстегнув ширинку, скинув с себя джинсы, он набросился на неё. Избывая по щекам, стал вновь брать её, но уже применяя насилие. В глазах Инны был ужас, она боялась даже плакать, только просила не делать ей больно. Тот, кажется, не слышал, его, словно накрыло с головой все нарастающей волной гнева. Он был удовлетворён.

Закончив, встав, сквозь зубы бросил:

– Приберись здесь в ванной и на кухне. Я спать... – показывая ключ, что был в его руке.

Инна закуталась в полы халата, тихо с испугом в голосе произнесла:

– Хорошо... – умоляюще, – только ты никому не рассказывай про «сегодняшнее»...

Тот на ходу буркнул:

– Как скажешь. А там подумаем... – поспешно выходя.

Инна, оставшись наедине, сама с собой, разрыдалась. Такого она не могла ожидать. Мысль была одна: как с этим жить дальше. Что делать?

Ей было обидно и горько. Какой-то мужик из глухомани сделал её заложницей в этом чужом шикарном доме. Она ревела и думала, как ей быть, как выйти из этой дурацкой ситуации. Где искать выход? Неужели ей суждено стать «падшей девкой»...

...Мысли просто накрыли с головой. Нет! Она этого никогда не допустит. Лучше уж этому «однокласснику» горло перерезать. Чем? Вокруг ничего не было. Это привело в ужас. Потом вспомнив, что он её когда-то в школе любил, немного успокоилась. Невольно вспомнился «выпускной»...

...В тёмном зале все разбились по группам. Кругом стоял смог, повсюду слышались выкрики пьяных девчонок и мальчишек. Все старались подражать взрослым. Обнимались, целовались, ругались, если не сказать скандалили. Потом выходили в коридор выяснять отношения, обратно уже входили в обнимку, как ни в чем не бывало.

Кажется, что все были спарены. Даже она, Инна, была с Гришкой. Тот ходил весь вечер за ней следом, назойливо приглашая на танец. Для неё он не был парнем, в которого можно было влюбиться, поэтому вначале отказывала. Тот был верзила костюм на нем висел меш-

ком. При его высоком росте он дрожал как осиновый лист и это только от одного прикосновения к ней. Как-то так незаметно для себя они оказались на танцплощадке. Хорошо, что никто не обращал на них внимания. Все были заняты собой.

В танце невольная близость тел его просто возбуждала, на это реагировал каждый нерв. Руки становились потными. Она пыталась сделать вид, что не замечает, но это ей давалось с трудом. Музыка располагала к интиму. Он невольно обнял, нащупав контуры бюстгалтера, расстегнул. Ей было стыдно, она считала, что все окружающие видели её в минуту позора.

Инна, тут же сорвавшись с места, убежала. Он побежал за ней. Та оказалась за школой, нервничая, пыталась застегнуть бюстгалтер. Но у неё не получалось. Подойдя к ней, он предложил свою помощь, Инна согласилась, небрежно убрав каскад волос в сторону. Припустив вечернее платье, скомандовала:

– Давай, пока никого нет!..

Он стал застёгивать крючки бюстгалтера. Аромат её волос его волновал. Тот ощутил потливость по всему телу. Его потные руки, коснувшись её тела, привели Инну в бешенство.

Она прошипела:

– Убери руки, я сама!.. Слабак! Бабу увидел, и «течка» пошла. Импотент!..

...Почему она тогда сказала «импотент» не знала; скорее всего, это было из лексики матери, та постоянно орала на отца по делу и без дела...

...Гришка, сжигая её злым взглядом, сорвал с неё бюстгалтер, стал лапать и целовать в губы, делая это неумело. Она чувствовала его молочный запах вперемешку с алкоголем и табаком. Он стал тискать груди, теребя в своих руках соски, делая больно. Она невольно вскрикнула. Испугавшись, он отпрянул. Стал просить прощения, умоляя его простить, говоря, что это она сама спровоцировала на это; наспех надев на неё бюстгалтер, убежал.

Она плакала ей было страшно и очень обидно. Как он посмел до неё дотронуться? Он же её одноклассник! Утром она заметила засосы и синяки на груди...

...Выйдя из воспоминаний, она посмотрела на грудь, та была в засосах и синяках. В голове пробежала мысль: Гад, как он посмел? Он же одноклассник!

Оглянувшись по сторонам, ощутила страх, сознавая, что это теперь не одноклассник – мужик, пьяный мужик и к тому же далеко небезобидный мальчик. Теперь он не попросит прощения, да и не выпустит из этого дома, пока не получит того, что хочет.

Сознавая это, Инна поспешила одеться и заняться уборкой, стараясь не думать о произошедшем с ней инциденте. Надеясь на то, что это лишь пьяная выходка бывшего одноклассника. Считая, что тот проспится и отпустит домой, тем более её родители знают, где она.

Домой Инна вернулась за полночь, так и не дождавшись своего освобождения. Гришка так и не проснулся. Во время уборки, найдя запасной ключ в кухонном пенале, решила им воспользоваться. Выскользнув на улицу, она стремглав уносила ноги, страх гнал домой. Войдя в дом осмотревшись, поняла, что мать с отцом спали.

Попав в свою комнату, она тут же стала скидывать с себя одежду, которая стала ей ненавистна; на той остался Гришкин запах, перехватывало дыхание ей не хватало воздуха. Совсем нагая подошла к окну, открыв створку, стала впитывать свежий морозный воздух, ей казалось, что он очищал её от зависшего над ней смрада. И это было так. Через минуту ей стало легче дышать, на ватных ногах она поплелась к кровати. Пластом упав, прикрыла тело руками, бессмысленно глядя в потолок. Было так противно от отвращения то ли к себе,

к той, что была с Гришкой, то ли к самому Гришке, который где-то там храпел, не подозревая что, он сломал чью-то жизнь.

Инне в этот момент не хотелось жить, ведь рядом с ней не было любимого человека. Накинув на плечи одеяло, побежала к сумке, что валялась у двери, взяв мобильный, перезвонила мужу. Тот долго не отвечал.

Но тогда, когда она хотела сбросить вызов, тот все же ответил:

– Ну что тебе ещё? Достала...

Инна, не ожидая этих слов, промямлила:

– Спишь?

Тот, хмыкнув, небрежно ответил:

– Как все нормальные люди, ночь на дворе.

В горле застрял ком, она выдавила:

– Один?

Тот раздражённо рявкнул:

– С Иришкой!..

Разговор прервался. Кто из них первый выключил телефон Инна так и не поняла. Она в слезах побежала к кровати. Забравшись с головой под одеяло, безудержно зарыдала, боясь быть услышанной родителями. Ей было горько обидно и страшно. Она не знала, что делать, как ей жить дальше.

В голову лезло прошлое, выдавливая настоящее. Она невольно вспомнила себя подростком...

...В те дни она ничем не отличалась от своих подруг. По сути, детство было счастливым хотя бы, потому что не было проблем. Проблемы были у родителей, которые старались сделать дочь по максимуму счастливой, чтобы та была как все, имела все необходимое, что имели другие сверстницы в её окружение.

Пусть она неуклюжа, «пышка» и грудь в тринадцать лет третий размер. Для своих родителей их дочка самая лучшая.

Правда почему-то классная, учительница анатомии, всегда на ней проводила диагностику взросления, тыча указкой, ей в область груди. Чем вызывала в классе шквальный смех и едкие насмешки в адрес Инны.

Она как ребёнок-подросток обижалась. Ей тогда было стыдно, что самая младшая по возрасту в классе; её отдали в школу с шести лет, а по своим формам выглядит ровесницей учительницы. К тому же та была «плоскодонкой», так ту за глаза называли мальчишки. Учительница в свои тридцать выглядела скорее мужчиной, нежели женщиной, постоянно ходила в брюках, скрывая свои кривые худые ноги. Поэтому-то та и ненавидела пышных красавиц, даже подростков и как могла, изгалялась над ними на своих уроках и классном часе.

Инна на тот период была – милая, симпатичная с приятными округлыми формами. Её в классе называли «Пышечка». И по своей наивности девочка была открыта во всем и ко всем. Она ни с кем не враждовала, была тем ребёнком, который не боялся никого и не стыдился порой даже своей дурашливости. Инна росла без комплексов: подумаешь, испачкалась, подумаешь рваные колготки подумаешь чумазая...

...Но однажды она повзрослела, когда впервые влюбилась в Гришку и в Кольку соседа. Почему в двоих? И тот, и другой ходили за ней хвостом, тогда как другие ровесники считали её «Пышечкой». А вот эти двое считали её девушкой, их завораживала не по-детски пышная грудь. Они были в немом восхищении, когда Инна проходила рядом с ними. Гришка с Колькой то ссорились, то мирились, но постоянно крутились где-то поблизости от неё.

Её это смешило и радовало, она повзрослела; было желание лишний раз умыться, приче- саться, да и приодеться, чтоб выглядеть старше. Ей очень хотелось волнительных отноше- ний с парнями. Но почему-то её сердце ёкало при виде Колькиного отца. Она неосознанно хотела его увидеть.

Однажды в декабре, когда она была на дне рождения Кольки, его отец попросил её помочь принести из сарая соленья, та с радостью согласилась.

Так оказавшись вдвоём с ним в тёмном сарае, Инна почувствовала рядом с собой его тяжёлое дыхание. Тот, распахивая полы её кроличьей шубки, лапал груди, те от его при- косновений налились желанием. Она в буквальном смысле слова млела. Голова кружилась, болел низ живота. Колькин отец, стиснув девушку в крепких объятиях судорожно растягивая джинсы, целуя, пытался ею овладеть, при этом шепча на ухо: «Ты, как и твоя мать, такая же горячая, только от тебя пахнет молоком, а от неё керосином...»

Для неё это было подобно раскату грома, вырвавшись из мужских объятий, поспешно убежала. Ей было стыдно, тогда она возненавидела его и свою мать. Сознавая, что та изме- няла отцу...

...Теперь как никогда стали налицо причины ссор между родителями. А казалось, что их семья была самая счастливая и дружная. Тогда она также убежала из дома Николая, правда тот был не таким, как сейчас.

Помнится, спрятавшись в своей комнате, лежа на кровати, впервые дала слово: ни с кем никогда не вступать в контакт, только по большой любви. И она действительно сохраняла девственность. Гришку и Кольку она с тех времён избегала, боясь, что они могли быть сви- детелями её слабости к отцу Кольки. Тот был красивый, статный, наглый. Его любили все соседки, как оказалось и её мать.

Прошное коробясь, корчась в ломке, буквально на глазах стало исчезать, ставя на кон сегодняшний день. А сегодня это только что произошедший разговор с любимым мужем, с Павликом, который променял её на какую-то «дешёвку» Иришку. У той в голове кроме ресторанов вообще ничего не было. Инна содрогнулась, произнесла вслух:

– Блин! «Павлик Морозов!»

Перед глазами зависло сплошной полосой: тоска грусть и ненависть. Да именно сей- час она его ненавидела. Расставание с ним стало настоящим испытанием. То через что уже успела пройти пережить, она ему никогда не простит, то факт. Ведь ей казалось, что он на её звонокотреагирует, как должен былотреагировать любящий муж. В конце концов, проявит интерес и заботу.

– Так нет! «Иришка!..» – ей было обидно и больно.

Казалось, что он вот-вот перезвонит, посмеётся и скажет: «Прости, родная, я пошутил, проверял на вшивость».

Но этого не произошло. Мобильный молчал. Тишина так тяготила, что заставляла вытащить из себя то зло, что накопилось за последнее время. Это было несвойственно её характеру, даже где-то как-то презирала себя за слабость. И было бы из-за кого ломать саму себя?! Ведь благоверный просто издевался над её чувствами. Однако точка в отношениях была поставлена такая бледная практически невидимая, всё говорило одно, она в глубине душе давала ему маленький шанс вернуться к ней. И ещё пару часов назад, наверняка, про- стила бы ему, тогда, когда всё было неопределённым и мучительным, и болезненным; хоте- лось что-то для начала сделать, хотя бы подлечить.

В голове не укладывалось, что их совместная жизнь стала для каждого не столь важным эпизодом. А ведь казалось, он, её благородный Павлик был у неё под пятой.

Помнится, некогда она упивалась своей подавляющей властью над ним. И он бросал к её ногам, всё что имел, то, что хотела.

Инна хмыкнула:

– Наверно немного требовала...

Мысленно проводя параллель: подарков как таковых не осталось – проелось, сносилось. Короче! Жизнь прошла впустую.

Она стала вытаскивать мысли, напрягая, концентрируя на отношениях с мужем. Помнится, ей даже девчонки говорили, что мол, Павлик не для неё, что-то в нём не хватает.

Как оказалось, не хватало любви, раз его носило на сторону. Это было так ужасно, что содрогаясь только от одной этой мысли её пробил на слезу, она тут же поспешила насухо вытереть.

Инна вспомнила О. Б., казалось бы, вот уже прошло несколько лет, но тот так с ней и не попрощался, навсегда засев в душе. И не только...

...Сердце от воспоминания о нем стало стучать как ненормальное. Ей стало грустно, вот так разошлись пути-дорожки.

«Почему?»

Вопрос завис в воздухе. Появилась та, с кем ему сейчас наверно лучше, нежели было когда-то с ней. Наверняка та противоположность ей. Иначе их брак не был бы разрушенным.

Годы совместной жизни прошли как песок сквозь пальцы, казалось бесследно. Но бие-ние сердца подсказывало, что это не так. Ведь она вспомнила, подумала о нём. Возможно, и он вспоминает?

На душе стало легко и тепло. По вымученному лицу скользнуло подобие улыбки. Мелькнула мысль, что она хотела бы познакомиться с его пассией. Пробило любопытство: интересно та понравилась его маменьке?

Это немаловажно, так как в бытность ей самой приходилось сдерживать настоящие баталии с «женским совершенством».

Инна вновь пустила слезу. Ей даже её не хватало. Только сейчас она поняла, что скучала и по ней по своей сварливой свекрови. Может та и с той ведёт войну, быть может, ставит в пример бывшую, т. е. её, Инну. От сердца отлегло, на душе стало легко.

Как-то само собой закончился сумбур чувств и мыслей. Незаметно для себя уснула. Во сне она вновь встретила с О.Б. Это то лучшее, что могло быть в её жизни...

...Было уже за полночь, когда Олег пришёл домой, чем обескуражил Инну, ведь кажется, что они давно расстались, и он забыл дорогу в родные пенаты. Пусть и в свой дом. Между ними легла пропасть и на тебе...

...Он стоял перед ней в дверях, она как раз вышла из ванны, поэтому была волнительно хороша обёрнутая полотенцем и с тюрбаном из полотенца на голове. Теряясь, тут же предложила пройти на кухню выпить кофе. Олег шёл тяжёлым шагом спеша за ней, кажется, он был на подпитии. Поставив на плиту кофейник, повернувшись к нему лицом, внимательно посмотрела на его вымученное лицо. На нём читалось страдание. Это удивило её, она невольно улыбнулась уголками глаз. Это и дало толчок к его порыву. Приблизив Инну к себе, он стал неистово целовать. Губы бывшей жены были податливыми и трогательно нежными. Полотенце сползло вниз, её голое тело было в том откровение, что чарует мужской глаз. Ей ничего не оставалось, как освободить из-под тюрбана волосы. Скинув его на пол, она ощутила себя свободной, встряхнув копной волос, захотела предстать блудницей. Она,

как никто скучала по нему. Ей хотелось секса с ним, от него пахло все тем же дорогим парфюмом тем же московским столичным запахом.

Это дурманило, вскружило голову, отчего та таяла в его крепких объятиях. Она ощутила его похотливую руку на груди, и это было так приятно, что с вождением ждала продолжения – развязки в последующих действиях. Кажется, что она разучилась дышать, внизу живота чувствовалась резь.

Ей хотелось отдаться ему по-животному.

Её тело дрожало в предвкушение сильных выбросов сексуальных гормонов, желая оказаться в полоне страсти.

Он тихо прошептал: «Хочу...» – повалив на пол, стал брать с таким трепетом, что хотелось в крик стонать.

Однако она сдерживала порыв, боясь спугнуть «заблудившееся счастье», что вот так экспромтом вошло в её жизнь.

Ей хотелось быть единственной женщиной, отвоевать его у той, с которой он не стал счастлив, а наоборот замученным. Секс был сногсшибательным. Она невольно вспомнила о дате их бракосочетания. Бросив на его плечо слезу, призналась, что очень скучала. Он трогательно целовал её соски, бормоча как обиженное дитя:

– Я скучал по своей мамке, я твой сын...

Она ощущала волнительную боль от прикосновения его зубов, бросив на него ласковый взгляд, заметила, как его мужское тело превращалось в младенца. Она была ошарашена и в тоже время радовалась на её руках мальчик, сосущий её грудь. Она стала матерью...

...Чей-то голос прервал сон: «Инна! Открой дверь. Это я Гришка».

Инна открыла глаза, не понимая, что происходит и куда исчез Олег. Оглядевшись по сторонам, поняла, что его приход был во сне. А реальность – Гришка, который её разбудил с утра пораньше. Было слышно, как тот барабанил во входную дверь. Он поднял на ноги родителей. Мать и отец спросонья в один голос кричали.

Мать:

– Ты что сказался с утра пораньше припёрся?!

Отец:

– Наши все дома!.. Не шуми, а то сейчас получишь!.. Не посмотрю, что Инкин ухажёр...

Тот продолжал стучать.

Мать его впустила. Гришка опрометью ворвался к Инне в комнату. Та была перепугана, хлопая глазами, прячась под одеяло, тихо прошептала:

– Ну, уйди!.. Видеть тебя не могу... Я тебя боюсь.

Гришка присев на кровать, схватил перепуганную Инну в охапку, стал терзать её холодные губы.

Та, мыча, взмолилась:

– Уйди! Ненавижу.

Гришка, выпустив из рук, сказал:

– Чай уже не столичная! Что корчишь из себя целочку?

Зло, посмотрев прямо ей в глаза, выкрикнул:

– Шлюха!

Самодовольно:

– Хочешь кино покажу твоим, как ты со мной, а?

Инна испуганно прошептала:

– Что ты от меня хочешь?

Тот, хмыкая, повалив на спину, щекоча усами ухо, прошептал:

– Тебя! Ты такая горячая в постели... – насилуя.

Инна, боясь что-либо сказать, расслабилась, чтобы не было настолько больно. Она хотела позвать родителей, но было стыдно, считая, что наверняка дала повод к тому, что сейчас с ней происходит.

Тот, безудержно целуя, оправдывая свои действия, шептал:

– Это за то, что ты меня сделала импотентом. Из-за тебя не мог быть мужиком ни с женой, ни с другими бабами. Я всегда представлял на их месте тебя... – избивая по щекам, – сука!.. – продолжая насиловать.

У Инны в голове порхали «чёрные бабочки», она потеряла сознание. Заметив это, Гришка, прекратив своё насилие, стал неистово целовать, склонившись над ней рыдая, размазывая рукой, пот и слёзы, шептал:

– Сука! Я тебя одну всегда любил и ждал этого случая, когда ты станешь только моей! – тормоша за плечи, – ну ты что? Я же тебя люблю. Открой глаза!..

Приближая её безжизненное тело, теребя, волосы с болью в голосе мыча, вопил:

– Инка, я тебя люблю...

В этот момент вбежали перепуганные родители. Они с непониманием смотрели на Гришку, который плакал над безжизненным телом дочери.

Подбежавшая к ним мать стала вытаскивать дочь из рук зарёванного мужика, тот бубнил:

– Я не знаю, что с ней. Мы занимались любовью, она обомлела.

Подбежавший отец стал его колотить, схватив за шею, потащил голым к двери, зло выкрикивая:

– Маньяк! Всех баб попортил, до моей добрался?! – зло, сверкая глазами, – я твой писун сейчас в узелок скручу, ирод!.. – исчезая в дверях.

Было слышно, как закрылась входная дверь и пьяный крик:

– Сволочи! Одежду отдайте! Я к ним по-людски... Жениться хотел.

Вбежавший в комнату дочери отец, схватив Гришкины вещи, тут же выбросил в окно, потрясая кулаком, ёрничая, проорал:

– Женилку не отморозь!.. – хмыкая, злорадно, – по-людски...

Закрыв окно, подбежал к дочери, потрясая ту за голые плечи, запричитал:

– Дочка открой глаза, – плача, – не умирай...

Инна, открыв глаза, сначала не поняла, почему рядом с ней отец и мать.

Приходя в себя схватив одеяло, прикрылась им, с языка невольно сорвалось:

– Вы что здесь делаете?..

Что-то, вспомнив, спросила:

– А где Гришка?

Отец, вытирая скупую слезу радуясь, пробормотал:

– Выгнал супостата за дверь... – ёрничая, – жених, мать его!..

Кивая в сторону окна смеясь, добавил:

– Пусть женилку поморозит, охладит пыл...

Раздражённо:

– Жениться он, видите, ли, хочет?!

Мать, охая и ахая, всплеснув руками, пробормотала:

– Так что же он с тобой сделал-то супостат? – в испуге прикрывая рот рукой, выдавливая вслух, – ведь обомлела. Я уж подумала... Всё...

Инна пробормотала:

– Наверно от перегруза сомлела... – оправдываясь, – вся на нервах...

Неопределённо кивая в сторону, со слезой в голосе, плаксиво говоря:

– Мой-то гад, присосался к своей Иришке! Чуть, ли не на х... Меня послал...

Кивая на дверь:

– Вот и сошлись два одиночества...

Мать после этого вздохнула с облегчением, в глазах блеснувшая слеза ожила.

Она, ощеряясь, тут же констатировала:

– Ну, значит, свадьбу на Рождество сладим... – глядя дочь по голове, – а своего кобеля выброси из головы!.. Пусть теперь его Иришка парит мозги. Где и что?!

Отец опешив, моргая выпученными глазами шамкая губами, пробормотал:

– Что ж я зятёк, стало быть, голым на мороз выбросил... – сорвавшись с места, выбежал из комнаты.

В приоткрытую дверь с улицы доносилось примирение двух пьяных мужиков.

Отец:

– Зятёк!

Гришка:

– Блин, Батяня!.. Я же тебе сказал, что жениться на Инке собрался...

Мать, посмотрев на дочь, как ни в чем не бывало, смеясь, спросила:

– Так что по третьему под венец пойдёшь?.. – тяжело вздыхая, – не то, что я... С одним мужиком всю жизнь постель делю... – тут же расплываясь в улыбке целуя мокрую от слёз щёку дочери.

Инна, вспомнив Колькиного отца, косо посмотрев на счастливую мать, зло пробурчала себе под нос:

– Как же с одним... – уткнувшись в плечо матери, тихо сказала, – по третьему, так по третьему...

Через минуту в комнату ввалился отец в обнимку с Гришкой, тот сиял, как начищенный самовар. Он, делая невинное лицо, потирал плечи:

– Блин, замёрз.

И это было видно по нему.

Отец поспешил подсутиться, потирая руки, многозначительно глядя на мать, рванув с места на бегу прокричал:

– Сейчас организую сынок!.. Айн момент! – исчезая в дверях.

Мать, ойкнув, юркнула за ним, на ходу причитая:

– Ой, забыла, что тесто на плите!.. Не дай бог убежит...

Оставшись наедине, Гришка упал на колени, целуя Инне руки, пробормотал:

– Прости Инн, ну дурак дураком... – вскакивая на ноги, крестясь, – от любви! Знаешь, сколько я ждал этой близости с тобой...

Тут же сев на кровать рядом с ней, взяв её холодные ладони в свои, с нежностью целуя, как-то сжавшись в плечах не поднимая глаз, пролепетал:

– Если бы ты только знала, как я тебя хочу!.. – посмотрев на неё, испугался ледящего душу взгляда.

Она казалась колючкой, что была готова впиться в него и поразить парализующей болью. Он даже ощутил нестерпимую боль в затылке, но боясь показаться жертвой, сдержался, чтобы не выкрикнуть ей в глаза: «Ведьма!»

Её глаза буквально прожгли его насквозь. Это ввело Инну в баланс.

Она уже не боялась его, смело посмотрев Гришке в глаза, с дерзостью сказала:

– Ещё одна попытка меня изнасиловать... Посажу!

Тот, став пайнкой, кивнул, целуя её холодные хрупкие тонкие пальцы, пробормотал:

– Как скажешь женщина!.. И, кажется, именно это их примирило...

Глава 2. Тени прошлого

...Время было к обеду, когда в доме Николая появились люди. Николай с отцом снова вали по двору, проверяя своё хозяйство. Его отец первым вошёл в дом, окидывая всё своим пристальным хозяйским глазом, показалось, что ничего не заметил, за что можно было бы придаться к Гришке. Он уже хотел окрикнуть того, как увидел открытую дверь в дежурку. Тут же поспешил туда. Компьютер был включён. Подойдя к нему, решил посмотреть, чем же Гришка занимался здесь в их отсутствие. Отмотав на день, назад, обалдел. Он увидел Инну сначала в ванной потом в спальне сына. В голове мелькнуло: Вот зараза, устроил оргии... Вытирая слюну, с усмешкой сказал:

– Надо же какая горячая штучка! Вся в мать!.. – взяв запись, опрометью выбежал из комнаты.

Уже на ходу он подумал, что пока не стоит говорить сыну; решаясь попридержать у себя, как компромат на всех сразу, считая, что это может пригодиться...

...Гришка и Инна встали ближе к вечеру. Кажется, что они нашли компромисс совместного сосуществования. Гришка был нежным; щекоча усами, заверял, что ради неё готов свернуть горы, что сделает её «Королевой». Та верила до тех пор, пока со двора не послышался отборный мат.

Это Колькин отец искал Гришку, крича во всю гортань:

– Эй, хозяйева!.. Гришку моего не видели? Пропал. Дверь оставил открытой. Воруй – не хочу...

Ему ответила мать:

– Да где ж ему быть, на пару минут и заглянул. Сватался к Инке. Вот о свадьбе значит, и воркуют.

Сплюнув на подворье, Колькин отец ушёл.

Самого Гришку розыск отца хозяина не напугал. Он, как ни в чем не бывало, выполз из-под одеяла, мимоходом ущипнув Инну за самую мягкую часть тела.

Та, вскрикнув, разомлевшая, прошептала:

– Ты там не задерживайся!.. Я уже скучаю... – сделав воздушный поцелуй, залезла под одеяло.

Тот, кивнув, на ходу надевая джинсы, джемпер поспешил выйти.

Инна, лёжа под одеялом, мечтала о том, что всё в её жизни изменится в лучшую сторону. Гришка по-большому счёту даже очень неплох в постели, а в остальном обещал измениться, говоря, что теперь есть ради кого меняться чтобы быть лучше, а то жил как бомж: ни своего дома, ни денег. Всё до копейки спускал на горячительные напитки. Он признался, что жил с болью, обидой, а порой самой настоящей ненавистью ко всем бабам. Всю жизнь испортили, в том числе и она, Инна, которая некогда прошла мимо его любви, толкнув в объятия других, которых он изначально ненавидел и видел в них только её, Инну.

Тяжело вздохнув, Инна дала себе слово всё исправить, сделать его счастливым, понимая, что в ней ещё живёт где-то там, в глубине души «беглянка-любовь», что пряталась, боясь в очередной раз огорчиться от предательства, нелюбви. На этом Инна впала в сон, тот открыл пред ней то, через что она прошла в браке с Павлом...

...Павел был как никто из её поклонников заботливым и нежным, беря поначалу все заботы о ней на себя. Она жила за ним, как за каменной стеной. Казалось бы, всё шло по полной программе как он и обещал ей тогда в поезде, где они и познакомились.

Помнится, он не раздумывая предложил её проехать мимо Раненбурга, как говорится «с песнями», считая, что она его судьба и он не намерен разминуться с ней в пути.

Уговорив Инну, уговорив проводницу; они ехали с блеском в глазах в Мичуринск, там, у Павла жили мать и отец. Он решил познакомить тех со своей будущей женой. Инна к тому времени была разведена и, конечно же, желала бы познать своё новое женское счастье, пройдя вновь процесс бракосочетания.

Мичуринск их встретил своей серой угрюмостью. Ступив на перрон, Инна ощутила себя невестой. Поймав такси, они поехали к родителям.

Мать колдовала на кухне, готовилась к визиту сына, что вот-вот должен был подъехать. Отец стоял в воротах в ожидание такси, и оно не замедлило показаться; суетясь, тот открыл калитку. Каково же было удивление, когда он увидел сына в обнимку с молодой женщиной, казалось, им не мешал ручной багаж. Они были довольны и счастливы, на их лицах сияли улыбки.

Тот невольно произнёс:

– Опаньки!.. Ждали одного, а их двое!.. – неловко обнимая сына, искоса поглядывая на Инну, – да уж, – цедя сквозь зубы, – хороша!..

Та, тушуясь, робко бросила:

– Здрасти!

Отец посмотрев, пожав руку расплываясь в улыбке, выпалил:

– Какая красавица! – искоса глядя на сына.

Тот самодовольно вставил:

– А то! Сам выбирал.

Отец вежливо попросил пройти в дом, беря сумки из рук сына и Инны.

Мать встретила в дверях, скороговоркой произнесла:

– Я как увидела через окно, тут же всполошилась... – разводя руками, – какая радость!.. Какая радость! – искоса поглядывая на молодую женщину.

Инна не зная, что сказать, подняв на мать глаза, стараясь сохранить радость встречи, громко произнесла:

– А мы к вам! Не ждали нас?!

Мать тут же кинулась к ней с объятьями:

– Мы всегда рады гостям! – переходя с объятьями к сыну.

Тот поспешил ей шепнуть на ухо:

– Моя жена.

Та, невольно оглянувшись, сказала:

– Ой, как жена?! Почему же на свадьбу не пригласили?

Инна смущённо покраснела.

Павел поспешил прокомментировать ситуацию:

– Так мы решили у вас свадебку сыграть.

Отец, перешагнув порог дома, ставя багаж, оборачиваясь, довольно заверил:

– Это хорошо! Это по-людски!

Видя смущение на лице Инны, поспешил добавить:

– Не смущайся невестушка!.. Мы люди, простые, не обидим... – предлагая жестом руки пройти в дом, – так что добро пожаловать...

Инна не замедлила пройти внутрь, за ней вошли Павел с матерью. Те, шли под ручку, о чем-то в полголоса перешёптываясь. По спине Инны пробежала дрожь, сознавая, что разговор о ней. Однако она сделала вид, что всего этого не замечает.

На ходу отмечая:

– Боже как у вас уютненько!..

Мать довольно поспешила отреагировать на эту реплику:

– Всё наш папа!.. Он хозяин! Всё по дому делает своими руками... – озорно сверкая глазами, – я только денежки считаю... – подмигивая, – вот он где у меня...

Отец чуть обиженно буркнул:

– Люблю тебя, а ты не ценишь... – недовольно бубня под нос, – только о деньгах и думаешь.

Поймав на себе любопытный взгляд Инны, уже расплываясь в улыбке балагурия, произнёс:

– Люблю, любил и буду любить!.. – кивая в сторону матери и сына, – такого сына подарила...

Инна с пониманием кивнула, тихо произнесла:

– А я думала, таких мужчин не бывает...

Отец, посмотрев на неё тёплым взглядом, подытожил:

– Бывает и не такое!.. Надо просто по-настоящему любить.

Оказавшись внутри дома мать с отцом стали суетиться с угощениями. Как оказалось, они были действительно простыми и гостеприимными людьми.

Павел попросил мать ускорить регистрацию брака, зная, что у неё в городе «блат». Как-никак та работала секретарём в городской администрации, пусть в прошлом, но связи ещё не пропали.

Отец поспешил заверить, что по такому случаю забудет свинью. На этом и поладили, оговорив, что свадьбу сыграют после новогодних праздников, мол, а то гости не поймут, что празднуют, если совместить с празднованием праздников.

После обеда мать занялась подготовкой к свадьбе, обзванивая нужных людей. Заверяя каждого, что потом отблагодарит за помощь в этом хлопотном деле.

Инна и Павлик наслаждались уединением строя радужные планы, что напрочь её отвлекло от воспоминаний о том заторможенном браке с О. Б. Странно, даже не было что и вспоминать.

Молодые ворковали, казалось, не могли надышаться друг другом.

Они часами гуляли по зимнему городу. Мичуринск не был городом её мечты, но намного лучше, чем Раненбург. Павел с гордостью рассказывал о своём родном городе, говоря, что тот в 1636 году был основан как крепость для защиты юго-восточных границ Руси. Название «Козлов» прижилось в народе от имени первого поселенца некоего Семена Козлова, тот обосновал свой стан на холме, откуда проглядывались любые поползновения врагов. Это стало укреплением, границей земель русских. Уже позже город получил развитие, принимая торговых людей, по ходу заселялся новыми жителями, которые занимались не только торговлей, но и земледелием.

«Козлов» был застроен деревянными постройками. Благо вокруг был лес. Холм кишил добротными деревянными домами, красуясь над рекой «Лесной Воронеж». Этот массив был виден издали, чем привлекал посторонний глаз, особенно когда холм в летний период был в цвету, там росли дикие яблони, которые после прививок с турецкой айвой дали свой результат. Яблоки и в те годы были гордостью, их отправляли в большие города, чаще по-большому счету мочеными в бочках, как провиант. Этот город, стоящий на перекрёстке дорог соединяя Москву с Поволжьем, стал узловым.

Инна внимательно вслушивалась в рассказ Павла, но всё-таки мысленно возвращалась в мегаполис. Там бурлила жизнь, пахло роскошью. И ей хотелось жить по-полной: богато и успешно. Она поспешила сказать об этом Павлу. На что тот сказал, что богатыми можно и здесь стать. Главное захотеть.

Тот признался, что попытался начать бизнес в Тамбове, но что-то там не идёт как должно, по крайней мере, если и идёт, то не так как бы хотелось. Город вроде бы и больше Мичуринска, но там всё «чужое», поэтому хочет свернуть там все «дела», начать свой бизнес здесь в родном городе; пообещав сделать её «Королевой»; заверяя, что здесь им помогут «родные стены», да и мать поможет со своими связями. Это стало той жирной точкой, что увесистым аргументом легла на их жизненный путь. Они верили в будущее глядя в него с большим оптимизмом.

Новая жизнь в Мичуринске показалась интересной. Уже сразу же после свадьбы все знакомые предлагали помощь. И это поставило на ноги молодых, они с уверенностью шагнули в своё будущее.

Павел занялся бизнесом, и всё шло как никогда хорошо. Да и Инна занялась своим любимым делом, начав работу в рекламном агентстве. Это было тем, что она умела и могла делать на уровне профессионализма. Работы было много. Это давало возможность хорошо заработать. Они собирали сначала на квартиру, потом на машину. Отдыхать они не умели, живя ради «благ» занимаясь своим «очагом». В гости не ходили лишь по одной причине, чтобы лишний раз не позавидовать тем, у кого ещё лучше. Их знакомые были зажиточными, ездили по курортам, покупали вещи с лёгкостью, не то что они, выделяя на их приобретение определённую сумму, раз в год, считая, что главное – не «шмотки», а в уверенность в завтрашнем дне. Деньги грели душу. И, кажется, что получили «перегрев», душа стала тлеть. Они стали отчуждаться, между ними легло пепелище их чувств. Исчезла влюблённость.

Павел стал искать чувства на стороне и вот однажды подцепил «Иришку». Та была полной противоположностью ей, Инне, став первой дамой в сердце Павла. Та была молода, весела, да и деньги тратила с лёгкостью не стараясь осознать, что Павлику они достаются с трудом. Однако, тот был всегда щедр по отношению к ней, обеспечивая с ног до головы...

...Инна во сне закричала: «Нет! Отстань гадина!..»

Она тащила за руку Иришку, стараясь разъединить её объятия с мужем, но та словно прилипла. Инна плача ругалась: «Отстань, Стерва!..»

...Вдруг она почувствовала, как её саму отдирает от той никто-то, а Гришка, с криком: – Инн, ты чего?!

Открыв глаза, она вышла из сна, не понимая, что происходит. Гришка испуганно глядя на неё спросил:

– Что кошмары мучат?

Та, неловко усмехнувшись, пробормотала:

– Со своим прошлым прощалась.

Тот лыбясь улыбнулся, скалясь, произнёс:

– Вовремя! – приближая к себе, обнимая, – забудь, начнём с нуля новую жизнь, будем жить как в сказке... – чмокая ту в лоб.

Кутаясь в его объятия, она и вправду ощутила уверенность в завтрашнем дне. И она была как никогда благодарна судьбе за подарок. Она вновь невеста.

Их уединение нарушили отец и мать. Мать с отцом стояли в дверях с иконой, говоря, что их совместную жизнь надо начать с родительского благословения. Наскоро одевшись, Инна и Гришка пройдя обряд благословения стали согласовывать дату росписи, так как Инне не хотелось жить в гражданском браке. Мать и отец её в этом поддержали, говоря, что надо по-быстрому развестись с Павлом, раз уж тот нашёл другую, то явно не будет противиться их разводу.

Инна перезвонила Павлу и попросила развода, тот сказал, что и сам хотел говорить с ней насчёт того же, но она опередила. Инна где-то как-то обиделась, но виду не показала, за ней наблюдали три пары любопытных глаз. Она поспешила сказать, что завтра ждёт его у Загса, тот согласился. Это сняло напряжение. Все сели дружно обедать, обговаривая дату свадьбы и как ни странно, решили отпраздновать событие на Рождество, считая, что не стоит затягивать, чтобы не тратиться и на свадьбу, и на новогодние праздники.

Инна и Гришка сияли как начищенные самовары. Ведь не тот, не та не были счастливыми всё последнее время.

Он, тут же сорвавшись с места, поспешил сообщить об этом Колькиному отцу, метнувшись на другой двор.

Отец и мать, оставшись наедине с Инной, поспешили с советами, говоря ей, чтобы она не была «лопухом» и вила из Гришки «верёвки». А то, дважды побывав замужем, кроме слёз ничего не имела. Дочь поспешила заверить, что всё будет хорошо, как-никак стала взрослее, а значит умнее.

Сославшись на головную боль, Инна ушла в свою комнату. Ей было над чем подумать. Она боялась завтрашнего дня, в котором надо будет поставить точку в отношениях с мужем, добровольно отдав того «Иришке». И та с легкостью получит всё готовенькое. Как оказалось, у Инны ничего своего не было. Всё их имущество оформлялось по дарственной от родителей Павла.

Она как жена не встала в своё время в позу, считая, что может так и правильнее; никто не придерётся, не станет завидовать, ставя палки в колеса, ведь от людской зависти одни «чёрные полосы». Именно поэтому Инна не могла предвидеть, как поведёт себя в разделе имущества её Павлик...

...Как ни странно тот оказался честнее, чем она могла ожидать. Развод прошёл без эксцессов. Тот предложил Инне сумму, от которой та не смогла отказаться. Дележа как такового не было. Взяв 5 миллионов рублей, Инна приехала в Раненбург.

Последующие дни прошли в пьянке и гулянке. На свадьбу приехала, и Таня, считая своим долгом лично проконтролировать тот факт, как замужество подруги. Хотя регистрация была назначена на 18 января. Свадьба гудела и на Рождество, и на старый новый год.

Гришка, получив приданное жены тут же им распорядился, купив себе новенький «Ниссан Кашкай». Почувствовав себя респектабельным, перессорился с Николаем и его отцом, сказав, что те «упыри» только и делали, что поработали его в своём дворце. Говоря, что он сам себе хозяин. Напрочь отказавшись от расчёта, бросил 10 тыс. рублей в лицо Николая. В ответ на это, Колькин отец кинулся на того с кулаками, бросив в отместку то, что скрывал от всех. Выкрикивая, что он был тем «кобелём», что поймел этих двух «сучек» в лице Инны и матери.

Гришка был ошарашен. Придя домой, он закатил скандал, говоря, что такая жена ему не нужна. Забрав деньги, как компенсацию за «позор» сев в машину укатил неведомо куда.

Инна и её мать после всего случившегося были в шоке. Таня проанализировав ситуацию настояла на том, что надо «делать ноги» из Раненбурга, тем более, что Инна ещё официально с Гришкой ничем не связана, так как регистрации как таковой не было. Ни отец, ни мать тому не противились. Всем окружающим сказали, что молодые переезжают в Москву. А внезапный отъезд Гришки объяснили тем, что тот поехал снимать квартиру, чтобы Инночка приехала хозяйкой в их гнёздышко.

Новое благословление дочери было спонтанным, скомканным. Собрав вещи, Инна и Таня уехали в Москву. Всю дорогу Инна проплакала сидя на заднем сидении. Благо, что Таня не отвлекалась, следя за дорогой. Что-что, а водила машину та аккуратно ей её

новенький «Лексус» достался непросто, год кланчила у Стамбовского. Она вот уже как второй год была его любовницей.

Уже вечерело, когда они подъехали к Москве. Инна в напряжение смотрела за окно, и в этот момент ей как никогда хотелось поверить в Бога, что именно он в который раз ей поможет начать новую жизнь.

Она никогда не верила в Бога, считая, что его просто нет. Именно так её воспитали, отвергая сам факт его существования...

...Помнится, как-то, на Пасху придя со школы, она спросила мать: «Правда ли что Бог есть?»

Мать, оборвав на полуслове, рывкнула: «Не было и не будет. Потому что его никто никогда не видел. Если и верит кто, то только те, кто не верит в себя»... – сказав это, тут же перекрестилась, скорее делая это на автомате по привычке.

Отметив это, Инна, вспрыснув, сказала: «Тогда почему крестишься?»

За что получила оплеуху. Вопрос: есть или нет... Надолго отпал. Ведь мать как никто всегда права. С ней никто в их доме не спорил.

Отец же частенько ходил в церковь, так как считал, что все должны избавляться от грехов. На что мать говорила, твердя как «попугай», мол, она безгрешная вины за собой не чувствует. Лишний раз, ставя отца в зависимость, попрекая его грехами, напоминая, что зачастил в храм. Отец отшучивался, говорил, что снимает порчу с семьи, ставя свечи за здоровье. Мать была слишком уверена в себе, поэтому не искала подпитки со стороны. Ведь если что, то отец ей поможет решить проблемы. Её проблемы – его проблемы. А тот периодически морально ломался под их тяжестью, ища помощи в вере.

Мать, срываясь, частенько покрикивала на отца, называя его слабаком и «тряпкой». Тот, сидя у печи, уткнувшись в пол, бубнил, прося излечить мать от демонов, вселившихся в ту и разъедающих её душу. И, кажется, что его где-то кто-то слышал. Мать через пару минут замолкала, ластясь к нему, просила прощение. Вот так они жили, как «кошка с собакой».

Мать на следующее утро после бурной ночи в очередной раз говорила, что если и мирятся, то по большой любви. И ей свыше никто не указ. Отец не перечил. Ему нравилась она – самоуверенная, пылкая, держащая его в «ежовых рукавичках». Он был безвольным человеком, так как бежал от идола-жены к Богу...

...Стоя в пробке, Инна, посмотрев сквозь промёрзшее окно на вечернюю Москву, взгрустнула, перекрестившись, попросила:

– Господи, помоги! Возьми меня под свою опеку... – невольно устремив взгляд ввысь, заметила мигающую звёздочку, ей это показалось знаком, она внутренне приняла тот факт, что Бог есть...

Глава 3. Сквозь призму времени

...Въехав в Москву, Таня немного расслабилась, стала щебетать о своей насыщенной жизни. Говоря, что времени не на что не хватает: Встречи, фуршеты, лица, лица, лица...

...Вот и сейчас, как только она отвезёт Инну к себе домой тут же едет со Стамбовским на вечеринку. Правда по поводу чего тот ещё не уточнил; сознавая, что она должна выглядеть как никто на уровне чтобы «не упасть в грязь лицом», сетуя, что придётся заняться имиджем в дежурном порядке, так как не успевает в «Салон Красоты».

Инна не глядя буркнула:

– Всё, как и раньше...

А раньше... Тут же всплыло как на мониторе компьютера, рябя перед глазами...

...Первое время, когда О. Б. ушёл от неё, казалось бы, навсегда променяв на «худосочную выдру», ей казалось, что она сможет его вернуть пусть кратковременными минутами секса. Ведь он не мог вот так сразу забыть отвыкнуть, и она ждала его, не желая, чтобы тот привыкал к той «чужой», тем более та беременная и ей совершенно не до секса.

Он приходил к себе домой, наверно ноги по инерции сами вели туда, ведь там некогда было уютное гнёздышко. И Инна этого ждала...

...В голове мелькнула встреча. Это было осенью, стояло бабье лето: днём тепло, ночами всё же уже более чем прохладно.

О. Б. открыв дверь своим ключом, поспешно сняв обручальное кольцо, спрятав в карман пиджака, вваливался внутрь с охапкой роз, бросая их на пороге; обычно это было ранним утром в субботний день, когда Инна ещё сладко спала. О. Б. входил в спальню полноправным хозяином, на ходу сбрасывая одежду, зачастую это был строгий элегантный прикид успешного руководителя; крадучись к постели ныряя под одеяло, раздвигая холодной рукой бедра найдя тёплое сокровенное место вводя тонкие пальцы, заставлял её сонное тело содрогнуться, чтобы оно ему ответило. И оно отвечало. Это была прелюдия секса. И это чувствовалось по тому, как лоно любви насыщалось влагой. Он от этого буквально дурел, сразу тиская её ватное тело в своих крепких объятиях, влезая острым языком к ней в рот.

И вот на этом стоная, она приоткрывала глаза, чтобы тихо поздороваться:

– Привет, соскучился?!

И тогда О. Б. становился нежным и грубым в одночасье, терзая её губы беря женскую плоть с неистовостью, и она таяла в его объятиях, не скрывая своего блаженства. Получив оргазм, испытыв то, что порой не суждено получать многим супружеским парам; они усталые в откровенном неглиже плелись в ванну. Там сорвав с вешалки махровые халаты, на ходу облачившись в них, всё ещё пребывая в истоме, подкашиваясь на ватных ногах, в обнимку спешили на кухню, чтобы выпить горячий кофе.

Их глаза сияли лучиками счастья и в квартире от того становилось чуть ярче теплее уютней.

Уже на кухне сидя за столом, он устало курил, улыбаясь уголками губ довольный, оттого что получил от неё такой подарок как непревзойдённый секс. И она это знала; так как выложила по-полной на все сто, чтобы затмить в его глазах ту другую.

Инна, томительно отходила от состоявшегося далеко не спонтанного секса. Она ждала визита О. Б. и её сонливость была наигранной, чтобы в очередной раз подогреть в нём жела-

ние взять её ещё тёплую в момент самого сладкого утреннего сна. Поэтому в уме проигрывала развитие дальнейших событий, зная, чего она хочет. Всё шло по отработанному сценарию, обычно так...

...Пока варилось кофе, она стояла спиной к нему, ощущая внутреннюю дрожь, ощущая на себе его изучающий цепкий взгляд. Она боялась оголить свою душу, показав свою похоть желание прямо здесь на кухне заняться сексом. И, кажется, он читал её мысли, тут же встав с места, подходил к ней, беря в свои мягкие нежные руки. Машинально выключая газ, Инна стремительно падала в его объятия. И он её брал тут же на кухонном столе. Она отдавалась с глухим стоном, как, впрочем, и он. Чтобы заглушить рвущуюся наружу страсть он или она включали воду. И тогда их страсть, выпорхнувшая из недр их души наружу становилась в буквальном смысле слова необузданной. В момент секса, сняв её лёгкое как пушинку тело со стола, положив на пол, брал её плоть настолько грубо, чтобы почувствовать себя брутальным, коим разрешал быть только с ней.

Таким образом, заставляя чувствовать, и её через физическую боль его душевную боль, что кажется, измучила. Лишь только после этого они удалялись в спальню и она, Инна, лечила его своими ласками, становясь в его глазах богиней секса, овладевая им, оказавшись над ним сверху. Она в тот момент читала его как книгу, осторожно листая страницу за страницей внося маленький постскрипtum, усиливая впечатление от прочитанного экстазом и в этот момент он, трогая кончиком пальца шероховатую точку «G» массируя круговыми движениями стимулируя её удовольствие, подводил к черте непревзойдённого счастья блаженства. И именно тогда перестав стимулировать в приближение оргазма, беря финальную часть на себя. О. Б. как должно настоящему самцу брал её расслабленную, делал их секс намного ярче и эффектней. Кажется, что и он знал, что ей надо, поэтому давал то, что желала дама; поцелуями затыкая рот беря её, таким образом, несколько раз, и она не сопротивлялась, сознавая, что продлевает момент своего хрупкого женского счастья, боясь его вспугнуть, купалась в нём. Лишь изредка останавливая О. Б. в трате времени на поцелуи, заставляя того вновь и вновь войти в неё, коснуться точки «G»; становясь тёплым комочком, вбирала в себя всю мужскую силу. Она боялась выпустить это мимолётное счастье, сказав, что уже достаточно, ведь тогда он убежит к той другой чужой. А он убегал именно, когда видел, что она удовлетворена. Поэтому удерживала его томлением, прелюдией, игрой и как можно дольше. И он шёл у неё на поводу. Как ему казалось, что это он её берёт, и это он так выдержанно размеренно используют женскую плоть, наполняя как сосуд, бокал вина любовью, новыми чувствами в самых ярких красках с насыщенно сладко терпким ароматом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.